

Жены артистов — эпизод 3 из 5

Дай мне денег, чтобы я могла доехать до Берлина, откуда ты увез меня, тогда и разводишься!

Хорошо! Кончу Сусанну и отправлю тебя в твою Пруссию, страну тараканов, испорченных колбас и трихины! крикнул Бутронца, незаметно для самого себя толкая локтем в грудь Зинзагу. Ты не можешь быть моей женой, если не можешь жертвовать собою для искусства! Вввв... Ррр... Дьябло!

Каролина зарыдала, ухватила за голову и опустила на стул.

Что ты делаешь? заорал Бутронца. Ты села на мою палитру!!

Каролина поднялась. Под ней действительно была палитра со свежеразведенными красками... О, боги! Зачем я не художник? Будь я художником, я дал бы Португалии великую картину! Зинзага махнул рукой и выскочил из 148 номера, радуясь, что он не художник, и скорбя всем сердцем, что он романист, которому не удалось пообедать у художника.

У дверей 147 номера его встретила бледная, встревоженная, дрожащая жилица 113 номера, жена будущего артиста королевских театров, Петра Петрученца-Петрурио.

Что с вами? спросил ее Зинзага.

Ах, дон Зинзага! У нас несчастье! Что мне делать? Мой Петр ушибся!

Как ушибся?

Учился падать и ударился виском о сундук.

Несчастный!

Он умирает! Что мне делать?

К доктору, донна!

Но он не хочет доктора! Он не верит в медицину и к тому же... он всем докторам должен.

В таком случае сходите в аптеку и купите свинцовой примочки. Эта примочка очень помогает при ушибах.

А сколько стоит эта примочка?

Дешево, очень дешево, донна.

Благодарю вас. Вы всегда были хорошим другом моего Петра! У нас осталось еще немного денег, которые выручил он на любительском спектакле у графа Барабанта-Алимонда... Не знаю, хватит ли?.. Вы... вы не можете дать немного займы на эту оловянную примочку?

Свинцовую, донна.

Мы вам скоро отдадим.

Не могу, донна. Я истратил свои последние деньги на покупку трех стоп

бумаги.

Прощайте!

Будьте здоровы! сказал Зинзага и поклонился.

Не успела отойти от него жена будущего артиста королевских театров, как он увидел перед собою жилищу 101 номера, супругу опереточного певца, будущего португальского Оффенбаха, виолончелиста и флейтиста Фердинанда Лай.

Что вам угодно? спросил он ее.

Дон Зинзага, сказала супруга певца и музыканта, ломая руки, будьте так любезны, уймите моего буяна! Вы друг его... Может быть, вам удастся остановить его. С самого утра бессовестный человек дерет горло и своим пением жить мне не дает! Ребенку спать нельзя, а меня он просто на клочки рвет своим баритоном! Ради бога, дон Зинзага! Мне соседей даже стыдно за него... Верите ли? И соседские дети не спят по его милости. Пойдемте, пожалуйста! Может быть, вам удастся унять его как-нибудь.

К вашим услугам, донна!

Зинзага подал жене певца и музыканта руку и отправился в 101 помор. В 101 номере между кроватью, занимающею половину, и колыбелью, занимающею четверть номера, стоял пюпитр. На пюпитре лежали пожелтевшие ноты, а в ноты глядел будущий португальский Оффенбах и пел. Трудно было сразу понять, что и как он пел. Только по вспотевшему, красному лицу его и по впечатлению, которое производил он на свои и чужие уши, можно было догадаться, что он пел и ужасно, и мучительно, и с остервенением. Видно было, что он пел и в то же время страдал. Он отбивал правой ногой и кулаком такт, причем поднимал высоко руку и ногу, постоянно сбивал с пюпитра ноты, вытягивал шею, щурил глаза, кривил рот, бил кулаком себя по животу... В колыбели лежал маленький человечек, который криком, визгом и писком аккомпанировал своему расхोлившемуся папаше.

Дон Лай, не пора ли вам отдохнуть? спросил Лая вошедший Зинзага.

Лай не слышал.

Дон Лай, не пора ли вам отдохнуть? повторил Зинзага.

Уберите его отсюда! пропел Лай и указал подбородком на колыбель.

Что это вы разучиваете? спросил Зинзага, стараясь перекрычать Лая. Что вы разу-чи-ва-ете?

Лай поперхнулся, замолк и уставил глаза на Зинзагу.

Вам что угодно? спросил он.

Мне? Гм... Я... то есть... не пора ли вам отдохнуть?

А вам какое дело?

Но вы утомились, дон Лай! Что это вы разучиваете?

Кантату, посвященную ее сиятельству графине Барабанта-Алимонда.

Впрочем, вам какое дело?

Но уже ночь... Пора, некоторым образом, спать...

Я должен петь до десяти часов завтрашнего утра. Сон нам ничего не даст.

Пусть спят те, кому угодно, а я для блага Португалии, а может быть и всего света, не должен спать.

Но, мой друг, вмешалась жена, мне и ребенку нашему хочется спать!